

Маир Н.Караев

ПОСЛЕДНИЙ КОРИФЕЙ

(психологически-ассоциативный роман)

Баку – 2026

*Посвящается памяти Узеира – нежного
как мандарин ребенка, гостившего в этом
мире всего одиннадцать месяцев
и пятнадцать дней*

Часть I

НОЧЬ

Глава первая

Завтра предстояло идти на митинг.

Так решил он ровно неделю назад, в прошлую субботу, и с тех пор принятое решение так сильно смущало и тревожило его, что лишило сна. Всю неделю он маялся беспокойством: часами лежал неподвижно на диване, закуривая одну сигарету за другой, пытаясь чем-то занять себя, дремал в кресле, тягостно ожидая, когда пройдет время, и теперь, немного очнувшись от этих мыслей, бросил взгляд на застывшие стрелки старинных часов на стене, и с крайним нетерпением ждал наступления утра...

Он пойдет в первом ряду шествия.

Да, ни на кого не обращая внимания, ни с кем не обмолвившись словом, он пойдет впереди и будет стоять как можно ближе к полицейским; будет стоять с высоко поднятой головой до конца.

До самого конца.

Его не только не устрасит полицейская дубинка, он вовсе забудет о страхе, даже не дрогнет.

Будут гнать – не побежит; будут бить – не обратит внимания. Не издавая ни звука, будет стоять как вкопанный на месте, и даже не попытается увернуться от ударов. Пусть ему рассекут голову, пусть разобьют нос, повалят наземь и примутся пинать, налетят как вороны и грифы на падаль и потащат

израненный полутруп по асфальту, а затем бросят в салон какого-то автобуса и повезут в полицейский участок, или запрут в грязной, тесной, темной камере – неважно.

Если честно, он не имел четкого представления о дальнейшей судьбе задержанного на митинге, но, исходя из услышанного и прочитанного из газет, предположил, что его может ожидать полицейский участок, камера или больница. Как говорится, это будет видно по ситуации, то есть, по тяжести полученных травм, и по тому, насколько оппозиционное мышление представляет угрозу для органов государственной власти.

Что касается оппозиционно-мыслящих, то он, безусловно, один из них; просто его противостояние напоминало крепкий орешек, и никто – *ни по ту сторону баррикад, ни по эту!* – ни капли не сомневался в его упорстве, точнее, надеющиеся, устав от долгого ожидания, обиделись, а обиженные как всегда зря надеялись. Он так и не прикипел ни к одной из часто меняющейся власти, честно говоря, все они ему были противны; но и оппозиционером он не был, и до сих пор никогда не участвовал в митингах какой-либо из сторон.

Он не ходил ни на митинги, ни на демонстрации – не участвовал ни в одном мероприятии после того, как выступив с резкой речью на собрании в круглом конференц-зале Академии, где присутствовали как представители власти, так и оппозиции, гневно спустился с трибуны, и, хлопнув обтянутой кожей дверь, покинул переполненный зал. С тех пор официальные

и неофициальные приглашения с разных адресов копились на нижней полке старого письменного стола — он не принял ни одно из них.

Он видел нынешнее правительство в их бытность в оппозиции, а также нынешнюю оппозицию у власти, и эти рокировки позволили многое узнать об игре: то есть, он понимал скрытые намерения тех, кто усердно рвался к власти, и тех, кто всеми силами цеплялся за власть. И понимал хорошо.

Квасные патриоты, с уст которых не сходило слово «Азербайджан», кричали «джан-джан» с высоких трибун, пели национальный гимн под трехцветным флагом. Но за этим рвением стояла не душевная боль; и эта борьба не была борьбой за Азербайджан — и райский Карабах, раскинувшийся на вершине зеленых холмов, и туманный Табриз, простирающийся к югу от Араза, скорее всего, были лишь поводом, лишь ширмой.

По сути, борьба властей с оппозицией — *соответственно, и борьба оппозиции с властью!* — была ничем иным, как борьбой за птицу в небе.

Разные конфессии, сборища, партии, правые и левые группы, которые не к месту и не ко времени собирали единомышленников и провозглашали справедливость, собирали сторонников и мнили себя большими католиками, чем Папа Римский, — *не имеет значения: будь то тайные масоны или явные сионисты; неофашисты или архикоммунисты!* — якобы все они искали путь к спасению. Он же давно пришел к выводу, что есть только один способ для спасе-

ния: мир должен принадлежать каждому, и каждый должен любить весь мир как единую родину.

Разделением цельного божьего мира на большие и малые страны, а также Его незримого существования на различные религии и секты, фактически, была заложена почва для кровопролитных войн; к тому же намеренно – для сохранения господства угнетателей над угнетенными!

Всяческие войны, сражения, преднамеренные очаги конфликтов – все это игры, известные на протяжении тысячелетий. У этой древней борьбы есть только одно название: *война за хлеб насущный*.

Подбили летящую в небе птицу – быстрый на ногу угнетенный схватил добычу, а сильный на руку угнетатель отнял ее.

В общем, все эти политические жесты – *эти оранжевые революции, эти бархатные перевороты!* – рассчитаны на птицу в небе, и, по сути, являются не чем иным, как цивилизованной формой борьбы за хлеб насущный.

Уничтожение мечети и возведение на ее месте церкви, снос церкви и сооружение на ее месте мечети, создание врага из светлокожего для темнокожего, из темнокожего для светлокожего, разделение земли на большие и малые страны, на разные штаты и провинции, манипулирование любовью к родине – все это преследует одну и ту же цель.

И неважно, как это интерпретируется, как трактуется – *неважно, в какой песок засовываешь голову, в какой куст прячешь хвост!* – именно такова проблема: борьба ведется за птицу, летящую в небе, вот и все дела.

Глава вторая

«Фашисты подожгли деревню. Все сгорело. Осталась лишь ненависть...»

...Напористый и скрипучий голос Корифея – *этого фашистского негодяя!* – который утверждал, что владеет секретом гениальности больше, чем кто-либо в мире, и знает перипетии пути к Нобелевской премии даже лучше самого Фолкнера, отдался эхом в его ушах и сбил с толку; он тут же встал и закурил...

Все уловки новейшей истории были перед его глазами: долгий путь Горбачева к Нобелевской премии прошел через распад СССР, а самый короткий путь к свержению системы – через резню в Баку. В итоге рухнула коммунистическая тюрьма, занимающая ровно одну шестую часть мира от Кельбаджара до Камчатки, а нейтральные обитатели были выпущены из социалистического плена в капиталистическую свободу.

Именно так и сказал Лец: *допустим, ты прошиб лбом бетонную стену камеры – прекрасно, но что будешь делать в соседней камере?!*

Как говорится: спаслись из огня да попали в полымя!

Особенно грузины и азербайджанцы, чьи великий Руставели и великий Низами всегда шли рука об руку; чьи древний Рустави и древняя Гянджа души друг в друге не чаяли.

В Тбилиси произошла апрельская драма, в Баку – январская трагедия.

Эдуард Шеварднадзе, коммунист номер один среди грузин, и Гейдар Алиев, коммунист номер один среди азербайджанцев – *это пара кавказских*

орлов! – покорившие за семидесятилетнюю историю Империи Зла высочайшую вершину золотозвездного кремлевского Олимпа после Берии и Нариманова, не стерпев вопиющей несправедливости, покинули интернациональный Олимп, ничуть об этом не сожалея.

К счастью, эти политические жесты не остались без ответа – надежный грузинский народ подхватил батону Эдуарда, а благодарный азербайджанский народ Гейдар-бека прямо в небе, не давая сойти наземь, подняли их как флаг над головой и водрузили на высшую точку национального Олимпа.

Пятнистый Горбачев, резвящийся на зеленых склонах райского Карабаха, мог обдурить Везирова или запутать Муталлибова; во всяком случае, после свержения с престола оба неудачника бежали в Москву. Однако Гейдар Алиев, давно вернулся с неблагодарного Кремля, куда только что обратились эти горемыки, и получи Горбачев не одну, а хоть пять Нобелевских премий, он все равно никогда не смог бы его провести; напротив, Гейдар Алиев мог бы усадить этого фальшивого нобелевского лауреата, этого доморощенного защитника мира перед собой, как школьника в красном галстуке, и обучить азбуке перестройки.

«У него семь миллионов овец!»

Камень, брошенный вслед, не больно ранит; этот камешек вслед ему был брошен из столицы *Пионер-лагеря* рукой полиглота Жириновского.

В отличие от Ельцина, который спьяну излагал американские воспоминания только отборным рус-